

В. С. Киселев

Томский государственный университет

**Просветительские стратегии художественного общения
и их роль в формировании энциклопедического целого**

Проблема художественного целого является одной из основополагающих для литературной эстетики, поскольку ориентирует на постановку вопросов предельных – о специфике художественности и литературности, характере литературного образа и природе литературного текста. В теоретическом плане отечественное и зарубежное литературоведение уделяет этой проблеме большое и постоянное внимание, достаточно назвать такие ключевые для литературной науки XX столетия имена, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, Р. Ингарден, Ж. Делез, Р. Барт, Х.Г. Гадамер, Х.Р. Яусс, В. Изер. Между тем историческое развитие эстетических представлений и художественных принципов, определяющих специфику литературного целого, прослежено еще явно недостаточно. Литературе XVIII века «повезло» в этом менее всего, хотя вопрос о художественном целом имел большую значимость в литературном сознании эпохи и ставился критиками и писателями целенаправленно.

Его актуальность определялась многими причинами, одни из которых имели социокультурную подоплеку, другие вызывались проблемами жанрового развития словесности. Причем необходимо констатировать как многочисленные пересечения отечественной и западноевропейской эстетики в поиске адекватных принципов целостного отражения действительности, так и значительное своеобразие русского понимания природы и функций поэтического целого. В особенности это связано с просветительскими установками отечественной литературы, характерными для нее до конца XIX столетия, в их свете художественный текст не мог восприниматься только и исключительно в качестве явления эстетического, предполагая прагматическое воздействие (воспитательное, образовательное, гражданственное и т.п.) не менее, а часто и более важным, нежели услаждение «вкуса». В формировании художественного целого важную роль играли риторические стратегии, единые для многих дискурсов и реализующие принципы культурной коммуникации эпохи.

Наиболее общие эстетические координаты для понимания просветительского подхода к поэтическому целому задает намеченная в концепции С.С. Аверинцева логика литературной эволюции, которая объясняет трансформацию художественного сознания, происходящую в XVIII – начале XIX века, сменой культурных парадигм от рефлексивно-традиционалистской к нетрадиционалистской [Аверинцев, 1981, с. 3-14]. В исследованиях, посвященных лирическому циклу [Фоменко, 1982, с. 22-42; Дарвин, 1988, с. 25-45; Ляпина, 1995, с. 135-144], неоднократно указывалось, что именно отказ от стабилизирующего жанрового принципа и от строгого разграничения дискурсов выступил предпосылкой для возникновения новых, индивидуально-авторских по своему характеру литературных целых, в том числе синтетических и/или ансамблевых. Так, М.Н. Дарвин обоснованно подчеркивает внутреннюю эволюцию метатекста на рубеже XVIII – XIX веков, когда «жанровая группировка <...> начинает уступать место иным принципам циклиза-

ции, среди которых основное значение приобретает принцип выведения некой единой поэтической личности, ее душевной биографии» [Дарвин, Тюпа, 2001, с. 58]. Риторика жанра перестает быть единственным структурообразующим импульсом в создании литературных текстов, теперь не только соотносимых с определенной традицией, но и отвечающих потребностям авторского самовыражения. Литературное целое рождается как результат индивидуально мотивированного художественного выбора, самоопределения творца к существующим эстетическим ценностям и формам, риторический подход к произведению не теряет своей значимости, однако ощутимо трансформируется и превращается в риторику личного чувства и субъективного мнения. Это движение охватывает творчество многих авторов, как ориентированных на классицистическую традицию (М.М. Херасков, Н.И. Новиков, Г.Р. Державин), так и разрабатывающих новую сенсуалистскую эстетику (М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев), что позволяет говорить о зависимости данного процесса не только от художественных запросов эпохи, но и от эволюции литературных институтов.

Поэтому второй системой координат, необходимой для осмысления проблемы художественного целого, закономерно становится социокультурная, предполагающая выход к существующим в литературном пространстве каналам и соответствующим им формам общения, а также типам литературных целых, которые удовлетворяют потребность субъектов коммуникации в получении необходимой эстетической информации. Если обратиться к терминологии У.М. Тодда, то для русской словесности рубежа веков наиболее важным процессом будет постепенный отказ от модели «покровительства» и обращение к возможностям «дружеских сообществ» [Тодд, 1996, с. 55-126]. В своем наиболее полном выражении модель «покровительства» реализовалась в первой половине XVIII столетия, и ее адекватом выступила эстетика классицизма; с 1760-х годов, в связи с появлением авторов-профессионалов, ориентированных на демократического читателя, и началом формирования литературных групп (круг М.М. Хераскова, кружок Н.А. Львова, писатели-масоны и др.), она трансформируется и заметнее становится собственно просветительская составляющая литературы.

Эта институциональная система замыкала художественное общение в пределах отношений автор – покровитель и требовала учета консервативных вкусов адресата, являвшегося обобщенным представителем власти, церкви, организации (например, академии наук), социальной группы, не приветствуя эстетических новаций или проявления творческой индивидуальности¹. Такая литература не была массовой и предполагала независимость своих основных конвенций от субъективности читателя, ее функцией становилась трансляция готовых художественных кодов или конкретных сведений. Коммуникативные несовпадения, противоречия в общении для просветительской программы оказывались возможными только в плане компетентности, объема информации, но не ее структурных различий. Закономерно, что рамках такой коммуникации любая часть дискурса утверждалась как абсолютно изоморфная дискурсу в целом, последний выступал для эстетического сознания эпохи гораздо более реальным, нежели данный поэтический текст. По выражению Г.А. Гуковского, «классики хотели быть по-своему реалистами <...>; но они полагали, что самая подлинная действительность – не живая жизнь отдельных людей в конкретных условиях социального их существования, а законы разума», указывавшие «для данной художественной задачи лишь одно абсолютно правильное решение» [Гуковский, 1999, с. 113-114], которое находило закрепление в жанровом каноне. Конкретное художественное целое реализовало общую установку жанра, и связь между его прагматикой и его структурой должна была представлять жесткой и прозрачной, доступной для проверки законами риторики. Столь

---

¹ См. анализ институтов русской литературы, связанных со статусом литератора в первой половине – середине XVIII века, в ст. [Живов, 2002, с. 557-637].

же ограниченным становился и «репертуар» эстетических целых, каждое из которых выполняло определенную функцию и соотносилось с четко обозначенной тематической сферой.

Институт дружеских сообществ явился переходным в становлении профессиональной литературы, он опирался на установки, выработанные официальной «высокой» словесностью, но подчинял их потребностям читательской среды, чуждавшейся сервильности и даже программной официальности [Берков, 1969, с. 5-17; Фоменко, 1983, с. 143-164; Западов, 1989, с. 56-75; Клейн, 2004, с. 148-169]. Мощным фактором обновления коммуникации во второй половине XVIII – начале XIX века стало растущее чувство востребованности литературы и эмансипированности автора, опирающегося теперь на поддержку не только власти, но и публики [Севастьянов, 1983], что предоставляло, в том числе, возможность оппозиционности, т.е. резкого столкновения разных идеологических и художественных кодов, но чаще выливалось в их игровое сопоставление. Автор обращался к конкретному адресату и учитывал круг его компетентности, отчего литературный текст должен был включать в себя некие индивидуальные знаки, сигнализирувавшие о смысловой и формальной направленности целого. Произведение в рамках салонно-кружковой коммуникации уже не могло сводиться к своей информационной составляющей, к трансляции кодов и сведений, поскольку сами они приобретали значимость лишь в объемлющей стихии дружеского общения. Для адекватной дешифровки художественного целого требовалось знание как широкого спектра литературных традиций, так и контекста групповой семантики, а помимо этого еще и особенностей идиолекта данного автора, что давало почву для расхождения мнений и многочисленных полемик (например, полемики о языке и стиле). Закономерным следствием дифференциации литературной среды явилась ускоренная разработка новых форм художественного целого, постепенно охватывающая все дискурсивное пространство словесности от камерных лирических жанров до жанров документальных и историографических, ориентированных на эпос (ср. итоговое значение в этом плане «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина). Ориентировка в столь усложнившемся художественном поле накладывала, безусловно, свои ограничения, одним из которых стала проблемно-тематическая и стилевая замкнутость, ограниченность общения кругом вопросов, реалий и повествовательно-речевых ходов, наиболее близких светскому просвещенному читателю. Критерий «вкуса», регламентировавший отбор материала и его литературную обработку, начнет ощутимо расшатываться лишь в 1820-1830-е годы, откликаясь на возникновение новых, профессиональных литературных институтов и отражая влияние романтической эстетики, тяготевшей к открытой универсальной форме.

Совместная проекция двух систем координат, имманентно-литературной и социокультурной, позволяет взглянуть на эстетику художественного целого, сложившуюся во второй половине XVIII столетия и наиболее ярко выразившуюся в русском просветительстве (в его классицистическом и сентименталистском вариантах), как со стороны ее прагматики, так и с точки зрения принципов структурной организации. Отправным пунктом в рассмотрении коммуникативных стратегий, обеспечивавших единство просветительского текста/ансамбля текстов, следует, очевидно, считать принципиальный вопрос о месте литературы/литературности в ряду смежных дискурсов. Начиная с эпохи барокко, эта проблема неизменно ставилась в любом обобщающем трактате по поэтике и риторике и разрешалась через апелляцию к Аристотелю, отдавшему во владение поэзии область «возможного в силу вероятности или необходимости» [Аристотель, 2000, с. 35]. Целостность литературному тексту как раз и придавала последовательно проведенная мотивация «возможного», образов, характеров и событий, к изображению которых обращается поэт. «Под поэтическим же вымыслом, – проводит различие

между поэзией, историей и философией Ф. Прокопович, – следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно» [Прокопович, 1961, с. 346]. В рамках рационалистической эстетики целью такой мотивированности был все же не столько художественный (наслаждение от искусного подражания природе), сколько прагматический эффект, то есть идеологическое воздействие на читателя («польза»). Художественная литература, таким образом, являлась инобытием функциональных дискурсов (научного, исторического, публицистического), отличаясь от них способом риторической организации. М.В. Ломоносов, в частности, утверждал: «Но хотя проза (которой «сочиняются проповеди, истории, учебные книги». – В.К.) от поэмы для отменного сложения разнится, а потому и в штиле должна быть отлична, однако в рассуждении общества материи весьма с оною сходствует, ибо об одной вещи можно писать прозою и стихами» [Ломоносов, 1959, с. 96-97]¹.

Приоритет прагматики в рамках просветительской эстетики позволял «обходить» дискурсивные различия и, не нарушая чистоты жанра, соотносить произведения по их тематике или адресованности к какой-либо духовной/практической способности человека. Причем значение имел при этом не каждый конкретный текст/дискурс, а их организованная совокупность, в пределе – литература в целом, удовлетворяющая весь спектр социальных и культурных потребностей общества и, соответственно, личности как его единицы. Для XVIII столетия взаимосвязанность культурного пространства была не только теоретическим постулатом, следствием единства «законов разума», а предметом непосредственного жизнеощущения и данностью как повседневно-бытового, так и бытийно-идеологического существования, строго дифференцирующего и иерархически соотносящего отдельные социокультурные сферы. Для эстетического сознания эпохи это имело немаловажные следствия, порождая представление о синкретизме, о прозрачности дискурсов друг для друга. Так, по мнению Г.Н. Теплова, «если из правил политических знаешь уже должность гражданина, должность в доме хозяина, и все статьи, которые практика в философии получает, то стихами богатство мыслей не трудно уже украшать» [Теплов, 1755, с. 384]. Каждое явление в пределах данного мировосприятия представлялось изоморфным другому и адекватно репрезентировало феномены более высокого порядка, в гносеологическом плане это выражалось в принципе познаваемости мира, а в плане прагматическом – в установке на преобразование целого через воздействие на его часть (ода, обращенная к монарху, адресуется тем самым всему обществу). Эстетика же обеспечивала согласованность в словесной подаче иерархически организованных предметов и позволяла достичь максимального внушающего эффекта, затрагивая широкий спектр способностей субъекта, его ощущения, эмоции, разум. Перелом в эстетическом развитии, который был ознаменован в России возникновением сентиментализма, совершался как раз через поиск способности доминантной, подчиняющей себе все остальные и тем детерминирующей используемые автором в создании художественного целого риторические средства.

Как замечает А.П. Валицкая, «социально-политическая устремленность просветителей, обусловленная характером исторического момента жизни страны, пронизывает их теоретические высказывания по вопросам философии природы («метафизика»), философии моральной (учение о человеке) и философии гражданской (учение об обществе), объединяя эти области знания, относительная ав-

---

¹ Ср.: «Открытие живописца состоит не в изобретении темы, а в способности осмыслить в своем воображении тему таким образом, чтобы она наиболее подходила к его роду искусства, хотя и будет полностью заимствованной из произведений поэтов, историков или народных легенд <...> Он должен как бы перестроить все целиком и вылепить заново в своем воображении» (сэр Джошуа Рейнольдс). Цит. по кн.: [Гилберт, Кун, 2000, с. 236].

тономия которых была признана в европейской философии XVIII века» [Валицкая, 1983, с. 98-99]. Дифференциация культурных сфер и соответствующих им дискурсов, действительно, совершалась с России гораздо медленнее. Для Европы символом литературы в целом с полным правом можно считать энциклопедию, недаром выпуск «Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers», растянувшийся почти на тридцать лет и потребовавший участия лучших писателей, философов и ученых Франции, стал итоговым актом века Просвещения. В русской просветительской среде завершением традиции и, как следствие, ее образцом явился текст синтетический, совмещающий в себе признаки разных жанров, будь то карамзинские «Письма русского путешественника» или «История государства Российского».

Но энциклопедизм, подразумевающий сочетание дискурсов был, безусловно, первоисточником и постоянным спутником синтетических форм, достаточно вспомнить чрезвычайно популярный «Письмовник» Н.Г. Курганова, справочное пособие демократического или начинающего читателя, или спектр приложений к «Московским ведомостям», издаваемым Н.И. Новиковым. Обоснованием энциклопедизма выступало в просветительской идеологии многостороннее отражение единой в себе действительности, а эстетическим оправданием, если принять баумгартовское определение эстетического как познания мира в чувственных формах, совокупное воздействие на «сердце и разум» человека, расширяющее его творческие силы. Первое положение достаточно полно раскрывает, например, «Слово о связи вещей во Вселенной» А.М. Брянцева, исходящее из представления о том, что любая вещь «одна другую определяет, одна от другой зависит, одна из другой познается и постигается, суть или действительные вещи и перемены в природе, или токмо мысли и воображения» [Брянцев, 1952, с. 365-366]. Второе же неоднократно подчеркивал в своих изданиях Н.И. Новиков, утверждая, в частности, в предуведомлении к «Утреннему свету»: «Все пространное поле наук и художеств превратилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели б оные не стремились ко исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее» [Новиков, 1961в, с. 178].

И все же западноевропейский и русский энциклопедизм значительно отличались друг от друга, для Европы неперенным спутником энциклопедичности становилась систематика (разграничение сфер), отечественная традиция ее не требовала, делая упор на синтез жанровых начал и их целостное экзистенциальное звучание. Энциклопедическое целое осознается в своем художественном качестве достаточно сложно, различные дискурсы требуют в нем согласования и приведения к общему знаменателю, становясь знаками самих себя, а это предполагает развитую культуру абстрагирования, дифференциации доминирующих и подчиненных свойств и переключения их из одной смысловой сферы в другую. Для русской просветительской традиции оперировать с такими знаками проще было при создании некоего ограниченного семантического пространства, связанного с определенным функционально-тематическим полем и мотивированного жизненным опытом/потребностями обобщенного, а затем и более конкретного (в сентиментализме) субъекта. Проще говоря, отечественная энциклопедия предназначалась для кого-то, и образ этого адресата определял художественное звучание жанра.

Эстетическое осмысление произойдет в русской критике применительно к высокой – идеологической – разновидности энциклопедического целого, хотя энциклопедизм наибольшее значение имел как раз для повседневности, для читателя-практика и авторов-профессионалов, с равным успехом выпускавших хозяйственные справочники и беллетристические сборники (В.А. Левшин, С.В. Друковцев, М.И. Попов и др.). Тем не менее обращенность энциклопедического универ-

сума к совокупному жизненному опыту личности будет подчеркнута литературой элитарной, постулировавшей своего адресата как субъекта идеологии и культуры; так, А.П. Сумароков утверждал, увещевая дворянство: «...Не надобно премудрости солдату; но полководцу без нее обойтись нельзя. Солдат установлению следует; но предписание устава требует просвещенного полководцу ума, тако и учение потребно предводителям народа; а всему народу его имети невозможно» [Сумароков, 1961а, с. 342]. Заметим, что не лишним для дворянина считал Сумароков и компетентность художественную, вплоть до владения хотя бы азами литературного мастерства. Таким образом, универсальность выступает откликом на некую жизненно-практическую потребность развитого (элитарного) читателя, и эта мысль проходит сквозным мотивом через отечественную эстетику от А.Д. Кантемира до М.Н. Муравьева¹. В сознании эпохи формируется идеальный образ человека, свободно обращающегося к любой области культуры и наделенного огромными творческими силами, символами чего становятся личность и деяния Петра I и Екатерины II, Ломоносова и Сумарокова.

Однако основной сферой, в которой укореняется представление об универсальности, для XVIII века оставалась культурная практика образованного дворянства. Разносторонность здесь получала санкцию со стороны быта, т.е. норм благопристойности и набора светских достоинств, сначала настойчиво внедрявшихся в дворянский обиход властью (по европейскому образцу), а затем в процессе становления независимой дворянской идеологии получивших самостоятельное значение как показатели элитарности. Идеал *honnête homme* активно влиял на эстетическое сознание века, светский энциклопедизм имел не только практическое или ценностное измерение, требуя от дворянина владения начатками «благородных» профессий (военной, административной и т.п.), некими бытовыми навыками (от домоводства до вольтижировки), поощряя знание наук и искусств. Все это было необходимо лишь в определенной пропорции, при соблюдении меры, что неизбежно акцентировало конвенциональную природу универсальности, ее коммуникативную мотивированность. Идеал благопристойности, получивший свой классический облик в эпоху Карамзина и Пушкина, предполагал ощущение знакомости с ее расслоением на означаемое и означающее, форму и содержание, реальное и иллюзорное; такой знак, будь то поведенческий жест, словесное выражение, артефакт, приобретал смысл в ограниченном семантическом пространстве, исчерпаемом в плане внутренних связей и соотношений элементов. Эстетическое измерение светской универсальности возникало благодаря ее замкнутости, наличию четких тематических и структурных пределов, переход которых свидетельствовал о нарушении законов благовоспитанности.

Для русской просветительской традиции таким «перекосом» являлись и педантизм, углубление в одну область деятельности, и излишняя поверхностность, кажимостный энциклопедизм. Выразительный образ последнего дает, например, Сумароков: «Имя кавалера обыкновенно дается дворянам; итак, звать по-кавалерски есть <...> звать столько, сколько благородному человеку пристойно, то есть мало и неосновательно, чтоб уметь начинать говорить о всем и не уметь окончать ни о чем, скакать из материи в материю, показываясь, будто все знает, хотя этому, кроме таких же невеж, и никто не поверит» [Сумароков, 1961б, с. 352-353]. Столь же, впрочем, скептически отзываются светские критики и о тяжеловесных специалистах, домостроителях, ученых, литераторах (исключая из их числа поэтов, поскольку поэзия – это не профессия, а сакральное служение), как поступает в своих «Философических предложениях» Я.П. Козельский: «Но и при упражнении в науках надобно иметь некоторую осторожность. В учении бывает то же, что и в гра-

---

¹ Ср. выразительную дневниковую запись последнего в 1772 году: «Соединить прелесть светского человека с упражнениями литератора есть духовное достоинство» (РНБ ОР. Ф. 449. № 37. Л. 36).

жданских должностях: чем больше приставленные к тем должностям упражняются в мелочных делах, тем меньше успевают в важных; а лучше бы в том, казалось, следовать натуральному порядку» [Козельский, 1952, с. 415].

Этот «натуральный порядок» олицетворял в себе одновременно разум и чувство, «вкус», представление о руководящей роли которого возникает в русской эстетике достаточно рано, еще у Сумарокова, и в немалой степени благодаря идеалу светской благопристойности. Поэтому требует своего расширения, с учетом социокультурного контекста, принципиальное положение П.Н. Беркова о просветительстве как «философско-политическом течении, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний» [Берков, 1961, с. 9]. Упор на знания ощутимо корректировался зависимостью рационально-прагматического эффекта от адресата сообщения, от системы его социальных, бытовых, идеологических, художественных привычек¹, причем наибольший успех имели формы, построенные на соблюдении чувства меры и сбалансированности слагаемых, т.е. изящные, одобренные вкусом. Для русской литературы пора прямолинейных и жестких коммуникативных стратегий, сводящихся только к информационной или дидактической установке, заканчивается, пожалуй, в 1760-1770-е годы, когда заявляет о себе независимая дворянская идеология и начинаются поиски средств не столь авторитарного влияния на аудиторию, обеспечивающего формирование определенного общественного мнения. В этих условиях синтетическое художественное целое, в том числе ансамблевое, привлекающее ресурсы многих дискурсов, оказалось незаменимым орудием, а его автор – ключевой фигурой культурной коммуникации, образцом чего стали для целого поколения русских писателей и читателей журналы, альманахи и сборники Н.И. Новикова и сам их творец, с полным правом названный П.Н. Берковым «воспитателем общества» [Берков, 1976, с. 12].

Синтетический текст не только предоставлял возможность создать универсальный образ действительности, а тем самым и усилить идеологический эффект, он позволял управлять читательским восприятием и в пределе своем преследовал цель перестроить совокупное жизнеощущение публики, переструктурировать ее экзистенциальный опыт. «Точечное» рационально-прагматическое воздействие превращалось в целостную программу воспитания, и одним из основных ее измерений становилось измерение эстетическое. По словам С.Н. Глинки: «Умный, деятельный, предприимчивый Николай Иванович Новиков, далеко опередивший свой век изданием Ведомостей московских, Живописца, других многообразных книг и искусным влиянием на умы некоторых вельмож, двигал вслед за собою общество и приучал мыслить» [Глинка, 1895, с. 12-13].

Концепция эстетического воспитания, активно разрабатывавшаяся западноевропейской и русской моральной философией второй половины XVIII столетия², возникает как ответ на возникшую потребность в диалоге между воспитателем и воспитуемым. Педагогические взгляды просветителей изначально учитывали наличие в человеческой натуре разнообразных начал и отвергали необходимость категорического подавления любого из них, предпочитая даже разрушительно-эгоистические склонности не выкорчевывать, а направлять в благую сторону. В русле руссоистских представлений, обретших широкую популярность в России [Лот-

1 Ср. утверждение Сумарокова: «Ежели благовоспитанный человек просветится премудростию, премудрость будет чистому сердцу его подпора, ежели не просветится премудростию, привычка сердцу его подпора будет, ибо привычка вторая природа, а нередко бывает еще и сильнее природы» [Сумароков, 1979, с. 152].

2 Репрезентативное представление о западноевропейских концепциях дает антология [Идеи эстетического воспитания, 1973]. См. также многосторонний анализ культурно-педагогической практики русского Просвещения в материалах потсдамской конференции «Русская рецепция Просвещения в контексте официальных образовательных методик» (1996) [Lehmann-Caril, Schippan, Scholz, Brohm, 2001].

ман, 2002, с. 383-445], это выливается в идеал естественности, тщательного культивирования природных задатков, если объектом воспитания является ребенок, или постепенного очищения души, избавления от ложных мнений и нравственных привычек с тем, чтобы обратить воспитуемого-взрослого к ценностям истинным. В любом случае, однако, инициатива должна была исходить одновременно от двух сторон, и общение между наставником и учеником тем самым лишалось авторитарности.

Диалогическая установка начинает властно определять характер просветительской коммуникации, и вне зависимости от того, насколько одобрительно (Шефтсбери, Гельвеций, Гаманн) или неодобрительно (Локк, Руссо) относился тот или иной моралист к искусствам и в целом к области художественного, эстетика представляла наиболее мощным средством моделирования как отдельных ситуаций общения, формируя сами навыки общежительности, так и совокупной ориентации субъекта на «другого», которым мог предстать конкретный человек (родители, воспитатель, начальник, государь), группа людей (друзья, свет, корпорация), наконец, весь социум, человеческое сообщество. Так рождается просветительская лестница воспитательного воздействия, когда восприятие художественных произведений научает неким способам коммуникации, постепенно усложняющимся и расширяющим свою сферу, причем даже если из области педагогики исключаются искусства, то их коммуникативным аналогом предстает природа, человеческая душа или Бог. Как отмечает В.П. Шестаков применительно к эстетике Шефтсбери, познание, рациональность, нашедшие выражение в создании универсальной картины мироздания, в плане эстетики реализуется как общение с миром: «Существует несколько ступеней красоты, по которым должно подняться человеческое познание, чтобы постигнуть гармонию и всеобщую взаимосвязь мира. Первая ступень – это познание материальной красоты, красоты минералов, камней, человеческого тела. Вторая ступень связана с красотой духовной деятельности, третья, и самая высшая, – познание божественной красоты» [Шестаков, 1983, с. 172].

В русской просветительской традиции наиболее ярким выражением воспитательной программы явилась журнально-издательская практика Н.И. Новикова, включавшая в себя два конкурирующих подхода к преобразованию экзистенциального опыта личности: энциклопедизм, направленный на развитие «внешних» способностей и коммуникативных потребностей человека, и синтетизм, требовавший сосредоточения и самоуглубления и ограничивавший сферу общения индивида (ср. формулу «для немногих») в пользу ее внутренней интенсификации. Соотношение масонских и собственно просветительских начал в журналах Новикова неоднократно становилось предметом обсуждения [Лонгинов, 1867, с. 124-131, 203-209; Пыпин, 1916, с. 169-203; Макогоненко, 1952, с. 270-502; Мартынов, 1981, с. 30-47; Распространивший первые лучи, 1994; Jones, 1984], и мы не будем на этом останавливаться особо, однако подчеркнем, что обе коммуникативные стратегии предполагали ступенчатое восхождение/рост читателя-адресата и его конечное превращение в универсальную личность, в которой ролевые признаки приглушены, зато общечеловеческие разворачиваются полно и исчерпывающе. Энциклопедизм опирался на «вкус публики», удовлетворял ее стремление к разнообразию, поэтому мог считаться введением в эзотерическую проблематику и свободно совмещался с программами мистического воспитания. Ю.М. Лотман справедливо замечал: «...Новиков был строгим моралистом, полагая, что чем подготовленнее читатель, тем строже и обнаженнее должна быть нравственная, религиозная и мистическая направленность чтения. <...> На нижней ступеньке стоит читатель романов и забавных повестей, на высшей – герметический мудрец, склонившийся над “Хризомандером”» [Лотман, 2000, с. 122].

Эта внутренняя диалогичность, переход от одной стратегии к другой в непрерывном общении с читателем пронизывает все журналы Новикова, реализуясь

и на уровне отдельного издания, и на уровне их ряда. Так, заключение «Утреннего света», целостность которому придавала нравственно-философская тематика, настраивает читателя на универсальность «Московского ежемесячного издания»: «...Мы никак не отступим от нашего предмета, но всегда будем стараться оный иметь, хотя и в различном и премежном виде. Материи нового сего журнала будут состоять частью из нравоучения, из описаний жизней славных героев и политиков и описания славных сект; все оное будет переменяемо политическими, историческими и географическими отделениями. Мы ласкаем себя, что сим расположением более угодим вкусу публики» [Новиков, 1961а, с. 203]. Тем не менее преобладающим в этом энциклопедическом по установкам журнала становится «Вечерняя заря», на новом витке воздействия/воспитания публики возвращавшаяся к пропаганде герметического масонского знания, последовательность постижения которого почти точно соответствует программе Шефтсбери: «И посему истинные мудрецы древних и новейших времен первым упражнением для человека поставляют познание себя... <...> Когда таковым образом приуготовлен будет наш дух и откроется обитающий в нас свет, тогда можно обратить свое внимание на внешние предметы или природу... <...> Наконец, желающий видеть премудрость в полном ее сиянии, да приступит с истинным усердием и ревностию к чтению Священного писания; в котором все таинства Божества и природы сыщут объяснены, но на духовном языке» [Новиков, 1961б, с. 216]. Таким образом, желаемым итогом развития внешних и внутренних способностей личности выступает полное преобразование сознания, в рамках которого энциклопедизм предстает неприменимой составляющей, но при условии его духовной осмысленности и мотивированности целостным мировосприятием.

Закономерным следствием этой программы явилась тяга к синтезу, к созданию целостной модели экзистенциального опыта, когда человек берется во всей своей индивидуальности и становится центром, точкой стяжения разнообразных ощущений, идей, чувств, субъектом и познания, и этики, и социальных отношений. Вне художественного измерения такая модель была не более чем условным конструктом, утопией, воплощенная же «в лицо», в образ автора и, особенно, героя (не терявшего, однако, автобиографичности), она приобретала не просто жизненную убедительность, но самостоятельную ценность, и могла служить прочным ориентиром для читателя¹. Н.И. Новиков в своих журналах вплотную приближается к созданию синтетического целого, не имеющего пока характера единого нарратива (это будет достигнуто в прозе и журналистике русского сентиментализма с его своеобразной эстетикой), но уже предполагающего экзистенциальное осмысление любого текста.

При всем своем дидактизме издания Н.И. Новикова 1770-1780-х годов скорее «приучали мыслить» (С.Н. Глинка), нежели давали готовые образцы; не редуцируемая, очевидно, сознательно, противоречивость журналов, сочетание сразу двух педагогических программ-стратегий, нередкий контраст, а то и открытая полемичность одного произведения по отношению к другому (переводы из Бэкона, Локка, Дидро соседствуют с изложением идей Паскаля, Масона, других эзотериков) обостряла необходимость сознательного самоопределения читателя, энциклопедизм приобретал ценностное значение. Оригинальные статьи самого Новикова также становятся своеобразными энциклопедиями, обзоревающие основные положения моральной, гражданской и «натуральной» философии века Просвещения с точки зрения их важности для формирования целостной жизненной позиции личности. Сенсуалистские установки, опора на чувства и впечатления индивида, в

---

1 Ср. утверждение Ю.М. Лотмана: «Именно в ней (книге. – В.К.) (не в ее морализаторских проповедях, а в общем строе мыслей, чувств, в характере поступков населяющих ее людей) человек России XVIII века черпал модели душевных переживаний и норм поведения» [Лотман, 2000, с. 110].

них сопрягаются с обсуждением мистических вопросов о духе, а контексты «вечные», натурфилософские соседствуют с рассмотрением острых социально-политических проблем современности. Но в историко-литературной перспективе наибольшее значение для становления новой эстетики имели тексты, в которых дидактика, пусть и требующая самостоятельного осмысления читателя, сменялась личностной рефлексией, попыткой упорядочить индивидуальный опыт; именно такие, сентиментальные, произведения, подобные «Дщицам для записывания» и «Восхождению солнца» М.Н. Муравьева, переводному эссе «О приятности грусти» А.М. Кутузова, первым опытам Н.М. Карамзина, определили магистральный путь в образовании синтетических художественных целых. Это, однако, тема уже отдельного разговора.

Литература

- Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
- Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.
- Берков П.Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII – начала XIX века // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении конца XVIII – начала XIX века. Л., 1969.
- Берков П.Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н.И. Новикова // XVIII век. Сб. 11. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976.
- Берков П.Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.-Л., 1961.
- Брянцев А.М. Слово о связи вещей во Вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. М., 1952. Т. 1.
- Валицкая А.П. Русская эстетика XVIII века: Историко-проблемный очерк просветительской мысли. М., 1983.
- Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики. СПб., 2000.
- Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895.
- Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1999.
- Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. Красноярск, 1988.
- Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001.
- Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.
- Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989.
- Идеи эстетического воспитания: В 2 т. М., 1973. Т. 2. Идеи эстетического воспитания в философии и педагогике XVII – XIX веков.
- Клейн И. Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в России XVIII века // «Новое литературное обозрение». 2004. № 65 (1).
- Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 т. М., 1952. Т. 1.
- Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.-Л., 1959. Т. 7.

- Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 2000.
- Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Ляпина Л.Е. Текст и художественный мир произведения: к проблеме литературной циклизации // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь, 1995.
- Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.-Л., 1952.
- Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
- Новиков Н.И. Заключение журнала под названием «Утреннего света» // Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961а.
- Новиков Н.И. Предуведомление к читателям // Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961б.
- Новиков Н.И. Статьи из журнала «Утренний свет» // Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961в.
- Прокопович Ф. О поэтическом искусстве // Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л., 1961.
- Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII – первой четверти XIX века. Пг., 1916.
- «Распространивший первые лучи...»: Н.И. Новиков и русское масонство XVIII – начала XIX веков. СПб., 1994.
- Севастьянов А.Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762-1800). М., 1983.
- Сумароков А.П. Некоторые статьи о добродетели // Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961а.
- Сумароков А.П. О несправедливых основаниях // Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961б.
- Сумароков А.П. Слово на открытие Академии художеств // Русская литература XVIII века, 1700-1775: Хрестоматия. М., 1979.
- Теплов Г.Н. О качествах стихотворца рассуждение // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Май.
- Тодд III У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996.
- Фоменко И.В. О жанровом своеобразии лирического цикла // Проблемы эстетики и творчества романтиков. Калинин, 1982.
- Фоменко И.Ю. Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983.
- Шестаков В.П. Эстетические категории. Опыт систематического и исторического исследования. М., 1983.
- Jones W.G. Nikolay Novikov: Enlightener of Russia. Cambridge, 1984.
- Lehmann-Caril G., Schippan M., Scholz B., Brohm S. (Hrsg.). Russische Aufklärungsrezeption in Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700 – 1825). Berlin, 2001.